

Current issues of formation and development of mediation as an agency in the resolution of conflicts and disputes are discussed on the basis of post evaluation in historical and legal literature, historical monuments law. Application of the historical method revealed phenomenon's law of development to the present state, caused by the change of socio-economic formation, the return to capitalism and market economy.

Keywords: mediation, settlement of the conflicts and disputes, mediator as the intermediary in a resolution of conflicts and disputes.

УДК 343.213

А.М. Быстриков, студент 1-го курса магистратуры Международного университета «МИТСО»
(e-mail: lesha_bystrikov@mail.ru)

СРОКИ ДАВНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ГЕНЕЗИС, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Рассматриваются вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с окончанием сроков давности, а генезис явления освящается как уголовно-правовой институт. Раскрывается сущность и содержание указанного института уголовного законодательства.

Ключевые слова: сроки давности, основания освобождения от уголовной ответственности, сроки давности как основание освобождения от уголовной ответственности, генезис, сущность и содержание.

В данной статье мы решили поднять такой важный вопрос, как правомерность освобождения лица от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, и считаем, что механизм правового регулирования данного вопроса работает таким образом, что создает предпосылки для уклонения от уголовной ответственности нераскаявшихся лиц, а нередко даже рассчитывающих на то, что им удастся избежать наказания.

Проведенное нами исследование дает основания полагать, что действующие нормы уголовного права могут способствовать необоснованному избеганию отдельными лицами уголовной ответственности. Для подтверждения этой позиции рассмотрим некоторые применимые в контексте нашего исследования принципы уголовной ответственности права с социально-правовых позиций.

Ст. 3 УК Республики Беларусь содержит следующие принципы: законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости, гуманизма. Не вызывают сомнения взаимосвязь и взаимопроникновение этих принципов. Но в свете реализации задач уголовной ответственности, отраженных в ч. 2 ст. 44 УК, нас интересуют прежде всего принципы неотвратимости уголовной ответственности, равенства граждан перед законом и справедливости. Они являются той правовой доминантой, которая заставляет органы уголовного преследования постоянно осуществлять деятельность по выявлению преступлений и доказыванию виновности лиц, их совершивших. Неотвратимость ответственности означает, что каждое лицо, виновное в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности, если нет правовых оснований для освобождения его от ответственности. Данный принцип усиливает действие принципа равенства граждан перед законом, не допуская возможности освобождения от уголовной ответственности по неправовым основаниям, например в силу занимаемой должности или материального положения.

Иными словами, освобождение от уголовной ответственности должно иметь исключительно законные, правовые основания. Эти основания перечислены в гл. 12 УК. Ими являются: освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности; освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора; освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности; освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием общественной опасности; освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием; освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Не имея возможности исследовать в полном объеме все указанные основания, остановимся лишь на первом – освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Мы ни в коем случае не оспариваем его нормативно-правовой характер, поскольку оно в установленном порядке закреплено в уголовном законе, но усомнимся в том, что указанное основание в полной мере соответствует духу уголовного закона и его применение отвечает целям уголовной ответственности.

УК, определяя те либо иные сроки давности, не дает никакого комментария, почему именно эти сроки явились оптимальными для освобождения от уголовной ответственности. По завершении нашего исследования мы, к сожалению, можем констатировать, что не нашли исчерпывающего философско-правового обоснования возникновения сроков давности в уголовном законе. Мы до сих пор не знаем, кто первый и в каких целях ввел их, хотя из косвенных источников нам удалось выявить основные версии

причин их появления: упрощение работы органов уголовного преследования по нераскрытым делам прошлых лет; потеря виновным лицом и совершенным деянием общественной опасности; экономическая и политическая нецелесообразность привлечения лиц, виновных в совершении нераскрытых преступлений прошлых лет.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, а также освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора являются нормами, обязательными для исполнения, в отличие от остальных оснований, действие которых определяется судом. В силу этого правоприменитель практически не обладает свободой оценки поведения виновного лица при определении необходимости привлечь его к уголовной ответственности, а общество и государство лишаются возможности оценить превентивное воздействие норм уголовного права и справедливо вынести решение: применять к виновному лицу меры уголовной репрессии или нет, т. е. при освобождении от уголовной ответственности для уголовного закона не важно, действительно ли исправилось виновное лицо или нет. Такое положение нам представляется не в полной мере соответствующим предназначению норм уголовной ответственности. В силу этого мы считаем необходимым поставить следующий вопрос: отвечают ли нормы ст. 83 УК задачам уголовной ответственности, перечисленным в ст. 44 УК? Напомним, УК выделяет три такие задачи: исправление лица, совершившего преступление; частное и общее предупреждение совершения преступлений; восстановление социальной справедливости.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, по нашему мнению, вступает в определенные противоречия со всеми тремя задачами. Мы считаем, что нельзя с уверенностью констатировать исправление лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, несмотря на прошествие большого количества времени. Исправление – это сугубо внутренний, психологический критерий. Без воздействия извне (со стороны правосудия и государства) преступник может почувствовать свою безнаказанность, в результате чего чувство вины за содеянное может так и не возникнуть, как и осознание противоречия его действий общепринятым нормам права и морали. Кроме того, отсутствие у органов уголовного преследования информации о совершении данным лицом иных преступлений еще не значит, что оно их не совершило и твердо стало на путь исправления. В силу сказанного мы полагаем, что при применении норм о сроках давности нельзя в полной мере говорить о реализации такой задачи, как исправление лица, совершившего преступление.

Достижение задач частного и общего предупреждения также сомнительно. Да, предупреждение совершения преступлений конкретным лицом, уже совершившим уголовно наказуемое деяние, не достигается во всех случаях и применением мер уголовной ответственности. Однако и нахождение вне воздействия мер уголовной репрессии в течение и по окончании течения сроков давности не гарантирует того, что лицо вновь не совершит преступления. Скорее наоборот, демонстрируя безнаказанность незаконного поведения, стимулирует к новым противоправным проявлениям.

Аналогичным, по нашему мнению, является действие норм о сроках давности и на иных лиц. Применение сроков давности указывает не только на нецелесообразность привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, но и на нежелание государственных органов преследовать их в уголовно-правовом порядке. А это является примером бессилия правосудия, поскольку получается, что совершив преступление, достаточно просто эффективно скрываться от уголовного преследования некоторое время, чтобы полностью избежать уголовной ответственности. При этом сами сроки, в результате которых истекает давность привлечения к уголовной ответственности, во многом противоречат задачам исправления преступника, предупреждения преступлений.

Мы можем видеть, что сроки давности существенно расходятся с задачами уголовной ответственности, реализация которых ставится во главу угла при применении института давности. В свете этого встает вопрос: а правомерны ли основания применения данного института и соответствует ли он принципам уголовного права вообще?

Не совершенен и механизм истечения сроков давности. Так, при совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, максимальный срок лишения свободы составляет 2 года и таким же сроком ограничивается срок давности. При совершении менее тяжкого преступления максимальное наказание в виде лишения свободы – не свыше 6 лет, а срок давности – 5 лет. При совершении тяжкого преступления максимальное наказание в виде лишения свободы – не свыше 12 лет, срок давности – 10 лет. При совершении особо тяжкого преступления максимальное наказание в виде лишения свободы – свыше 12 лет, пожизненное заключение и смертная казнь, срок давности – 15 лет. Как можно заметить, срок давности либо равен максимальному сроку лишения свободы, либо существенно меньше. Мы не можем найти объяснения тому, почему законодатель выделяет на исправление вне мест лишения свободы значительно меньшее время, чем на их территории. Неужели меры воздействия в местах лишения свободы им считаются неэффективными? Мы считаем, что срок давности по большинству категорий преступлений должен быть соизмерим с максимальным сроком лишения свободы. Такой подход характерен для уголовного законодательства отдельных зарубежных стран. Если же говорить о соизмеримости срока давности при максимальной санкции в виде пожизненного заключения, то здесь мы

считаем возможным предложить срок в 30 лет. Поскольку это максимально возможный срок лишения свободы в Республике Беларусь (ч. 3 ст. 73 УК), то будет справедливым, если по самым серьезным преступлениям срок давности будет хотя бы равнозначен наибольшему сроку лишения свободы.

Восстановление социальной справедливости при применении сроков давности также остается спорным вопросом, так как имущественные притязания потерпевшего не удовлетворяются. Считая справедливость главным результатом применения мер уголовной ответственности, позволим себе более детально остановиться на влиянии сроков давности в реализации этой задачи.

В настоящее время, на наш взгляд, справедливость уже не выкристаллизовывается в качестве краеугольного камня правосудия в отношении привлечения лица к уголовной ответственности. И содержание данного понятия в нормах права, в частности уголовного, существенно отделилось от его социального содержания, определяемого, например, этикой и философией. В действующем уголовном законодательстве под восстановлением социальной справедливости понимается не удовлетворение чувства мести, не успокоение внутреннего мира человека, а лишь возмещение имущественного вреда, дохода, полученного преступным путем, и материальное возмещение морального вреда (ч. 3 ст. 44 УК). При этом нередко не принимается во внимание, что восстановление справедливости с самых давних времен являлось основной целью правосудия [1, с. 145]. Кроме того, не учитывается, что термин «справедливость», употребляемый и как принцип, и как задача уголовной ответственности, не имеет единого определения. Нам такой подход представляется недопустимым, поскольку справедливость является главной составляющей правосудия и не может иметь разных вариантов толкования (причем легального!). Такой взгляд на справедливость не только не учитывает ее социального контекста, но и создает различные смысловые значения справедливости в уголовном праве. Признавая это, обратимся к более широкому, историко-философскому взгляду на содержание понятия справедливости.

В соответствии с философским словарем справедливость – это нравственный принцип, означающий наказание за зло и воздаяние за добро. Будучи по своему происхождению и первоначальному смыслу нравственным, принцип справедливости лежит также в основе права, т. е. является и принципом юридическим [2, с. 368]. В связи с этим нам во многом импонирует позиция А.И. Лукашова, который утверждает, что восстановление социальной справедливости должно быть главной целью, на реализацию которой должна работать система наказаний, ей должны быть подчинены институты освобождения от уголовной ответственности [1, с. 146].

Для подтверждения данной мысли представляется уместным рассмотреть понятие справедливости в исторической ретроспективе, а также провести сравнительный анализ нашего уголовного законодательства и исторических памятников права для выявления причин и момента возникновения сроков давности. Мы попытаемся обнаружить историческую необходимость их введения в законодательство, а также рассмотреть их правомерность с социальной (философской) позиции.

Одним из первых письменных источников римского права являются Законы 12 таблиц. Отдельные нормы этого акта касаются уголовного права и в них просматриваются предпосылки принципов уголовного права. Ч. 3 таблицы 3 гласит: «если должник не выполнил судебного решения, и никто не освободил его от ответственности при судоговорении, пусть истец ведет его к себе и наложит на него колодки или оковы весом 15 фунтов и более» [3, с. 3]. Диспозиция данной статьи вытекает из гражданских отношений и в ней подразумевается, что за неисполнение судебного решения по обязательствам виновный несет ответственность, связанную с ограничением свободы виновного, исполнение наказания при этом возлагалось на потерпевшего. С одной стороны, мы можем говорить о негуманности данной нормы, а с другой – субъекты ее применения знали об условиях заключения договора и предвидели последствия, по которым виновный несет кару, предусмотренную законом.

В продолжение данной нормы ч. 5 таблицы 3 предусматривает ответственность должника в том случае, если он не примирится с потерпевшим, что является диспозицией ч. 5. Ч. 7 таблицы 3 предусматривала казнь должника путем расчленения по прошествии всех сроков [3, с. 5]. Таким образом, основанием освобождения от юридической ответственности являлось только примирение с потерпевшим.

Исходя из сказанного, справедливость – это не только равнозначное, но и превышающее проступок возмездие, а освобождение от ответственности возможно было только при примирении сторон. Следует констатировать, что Законы 12 таблиц не отвечали таким критериям, как гуманность, соотносимость проступка и наказания, но применительно к социально-экономической ситуации того времени можно говорить о направленности данных норм на восстановление справедливости (в определенном ее понимании). Главная цель уголовной ответственности в Древнем Риме – это прежде всего удовлетворение притязаний потерпевшего, что следует из получившего развитие принципа талиона, направленного на восстановление социального баланса справедливости для личности и общества.

В качестве логического продолжения можно привести отдельные нормы права Византии – прямого правопреемника Древнего Рима. В частности, нормы такого памятника права, как «Эклога», не отличались гуманностью [4]. Предусмотренные наказания не соответствовали по тяжести проступку, но именно благодаря суровости наказаний можно предположить, что цели уголовной ответственности реализовывались с должной эффективностью, особенно принимая во внимание тот факт, что отсутствовали институты уклонения от ответственности по закону.

Вместе с тем применение сроков давности на то время представлялось невозможным хотя бы в силу того, что наказание, считалось, шло от Бога и по воле его, как и прощение за содеянное. Как ни парадоксально, но, став на позиции примитивной логики того времени, можно предположить, что исправление лица, частное и общее предупреждение посредством применения жестких членовредительных мер считались выполняемыми. Ведь если человеку за угон стада отрезалась рука, то вполне логично предположить, что ему будет тяжело совершить такое преступление в будущем, хотя бы вследствие своего физического недостатка. Этот подход к наказанию прослеживается в большинстве норм данного памятника права Византии. Так обеспечивалась определенная вероятность достижения социальной справедливости на уровне общества того времени.

Одним из правопреемников Римской империи на северо-западе Европейского континента являлась Империя франков, поэтому рассмотрим такой памятник права, как Салическая правда [4]. По сравнению с законодательством Древнего Рима и Византии перечень охраняемых общественных отношений и частных интересов, прав и свобод остался таким же. Нововведения по сравнению с античным правом касались системы наказаний. Изменились и некоторые принципиальные подходы к нормам уголовного права.

Прослеживается определенная гуманизация наказаний. Основной мерой наказания в Салической правде являлся штраф, а также имущественное возмещение морального, физического и материального ущерба. За те преступления, за которые ранее предусматривались телесные наказания, кровная месть либо квалифицированная смертная казнь, в законодательстве франков назначались штраф и имущественные возмещения. Так, лжесвидетельство уже каралось исключительно штрафом.

Вся структура наказаний в Салической правде носила ярко выраженный материальный характер. Смертная казнь как крайняя мера предусматривалась только в том случае, если виновный был не в состоянии выплатить положенную сумму и лица, на которых в этом случае возлагалась данная обязанность, также не могли ее выплатить. Следует отметить, что вероятность невозможности выплаты сводилась законодателем к минимуму благодаря отлаженному механизму возложения обязательства на других, более состоятельных граждан, имеющих отношение к виновному.

Таким образом, с общественной точки зрения Салическая правда представляла собой более гуманный свод законов, в котором немаловажную роль играло и восстановление социальной справедливости. При этом данному институту придавалось такое же социально-общественное значение, что и в нашем законодательстве, только в более упрощенной форме. Как и в современном уголовном праве под восстановлением справедливости франки понимали материальное возмещение морального, физического и имущественного ущерба. Следует также отметить, что в восстановлении социальной справедливости в Салической правде отсутствуют правовые средства, в результате применения которых потерпевший может остаться без удовлетворения своих законных притязаний. К такому институту можно отнести и сроки давности.

Рассматривая восстановление справедливости и эволюцию сроков давности в историческом ракурсе, приведем и негативный пример интерпретации – один из наиболее тенденциозных источников средневекового уголовного права «Каролина» [4]. В ст. CVII лжесвидетельство карается штрафом и членовредительством, а лжесвидетельство о преступлении – той же карой, которую мог понести оклеветанный. Таким образом, справедливость была выражена в той либо иной степени в принципе талиона. Отступления имелись относительно преступлений против государственной власти, церкви. Здесь справедливым считалось применение самых жестких наказаний, вплоть до смертной казни, поскольку таковые преступления считались посягательством на божественный характер власти.

Обращаясь к древнерусским памятникам права, отметим, что основными видами наказаний в Русской Правде являлись штраф и кровная месть. При этом нередко кровная месть применялась как основное наказание, а штраф – как дополнительное.

В первой статье Русской Правды прямо указывается на такое наказание, как кровная месть: если муж убьет мужа, то мстит брат за убийство брата, сын за отца, или племянник со стороны брата, или племянник со стороны сестры, если никто не будет мстить, то взыскивается 40 гривен за убитого [5]. Эта норма в некоторой мере говорит о преемственности между общинной и государственной системой привлечения лица к ответственности. Таким образом, справедливым считалось не только равнозначное преступлению наказание, но и его осуществление пострадавшими лицами, т. е. учитывались интересы не только общества, но и конкретного физического лица, которому в виде кровной мести предлагалось своеобразное возмещение причиненного вреда.

Когда наказание в виде кровной мести не осуществлялось родственниками, начинал действовать императив государственной меры в форме дифференцированных штрафов. В понимании современного Русской Правде общества справедливым считалось наказание, равное или даже превышающее причиненный вред. При этом сам потерпевший или его близкие могли регулировать наказание в зависимости от необходимости возмещения причиненного вреда и применять как кровную месть, так и более мягкие материальные меры. Освобождение же от уголовной ответственности по истечении сроков давности отсутствовало.

Следующим актом, содержащим охраняемые уголовным законом правоотношения, является Судебник 1550 г. царя Ивана Грозного. В данном памятнике права отсутствует такой механизм воздействия, как кровная месть. Из русских правд переняты были только некоторые нормы. Например, в отношении

такого уголовно наказуемого деяния, как клевета, говорилось: «А кто виноватый солжет на боярина, или на окольного, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка, или на подъячего, а обыщется то в правду, что он солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнить торговою казнию, бить кнутом и вкинуть в тюрьму» [5, с. 43].

Кровная месть заменялась так называемым честным поединком, механизм реализации которого был прописан в п. 14 Судебника: «А биться на поле бойцу с бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не биться; а хочет небойцу с бойцом на поле биться, ино им на поле биться. Да и во всяких делах бойцу с бойцом на поле биться, то им на поле биться. Да и во всяких делах бойцу с бойцом, а небойцу с небойцом, или бойцу с небойцом по небойцовой воле на поле биться по тому же» [5, с. 43].

Данная норма не отвечает целям правосудия и справедливости в нашем понимании, так как возмездие ставится в прямую зависимость от силы и умения владения оружием, что недопустимо в цивилизованном обществе. Краеугольным камнем Судебника являлось удовлетворение моральных притязаний потерпевшего с учетом тяжести совершенного деяния (дифференциация наказаний). Однако не существовало оснований для неприменения уголовной ответственности, что в совокупности с вышеприведенными факторами создавало наиболее благоприятные условия для свершения правосудия как с государственной позиции, так и с позиции потерпевшего лица.

Аналогичными признаками обладало и средневековое белорусское уголовное право, закрепленное в Статутах Великого княжества Литовского [6].

Все вышеуказанные источники права не имели ссылок на освобождение лица от уголовной ответственности в силу истечения сроков давности. Такой взгляд был естествен для законодателя, поскольку справедливым считалось осуществление правосудия и государством, и лицом, которому совершенным преступлением причинен вред, т. е. преступление считалось делом не только общественным, но и частным. Государство не имело права лишить пострадавшее лицо права на возмещение вреда и на возмездие. С усилением же роли государства в жизни общества правосудие постепенно исчезло из частной сферы и стало исключительно государственной функцией. Теперь государство посчитало себя вправе игнорировать интересы потерпевшего лица в угоду своим приоритетам.

Нам не удалось выявить тот изначальный момент, с которого в науке уголовного права и в законодательстве появилось такое основание освобождения от уголовной ответственности, как истечение сроков давности. Первое упоминание о нем мы нашли в Уголовном уложении 1835 г. [5]. Смело можно говорить о том, что данный нормативный правовой акт представлял собой серьезный шаг в развитии уголовного права. Он выделил новые концептуальные положения, обозначил иные виды наказаний, создал дифференцированную систему подхода к лицам, совершившим преступления, и приблизился к тому уголовному праву, которое есть сейчас. Наряду с этим был введен институт истечения сроков давности, что создало предпосылки для ограничения в реализации таких целей уголовной ответственности, как исправление лица, совершившего преступление, частное и общее предупреждение, восстановление социальной справедливости.

В данном документе отсутствовало какое-либо обоснование введения сроков давности. Версии могут быть выдвинуты различные, но нигде в исторических источниках права и современных нам научных источниках мы не нашли достаточного обоснования правомерности введения сроков давности и ухода от традиционной интерпретации восстановления справедливости, традиционных целей уголовного закона.

Дальнейшее закрепление сроки давности получили в ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г., в которой говорится: «Уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса...

<...>

4. За истечением давности» [7].

Данная статья является единственной в кодексе, в которой упоминается о сроках давности, при этом содержание вышеназванного механизма не раскрывается, как и не оговариваются конкретные сроки истечения сроков давности. Документом, непосредственно регулирующим уголовные правоотношения в РСФСР и имеющим положения о сроках давности, являлся Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г.

Интересующий нас правовой институт оговаривался в ст. 14, в ней значилось: «Уголовное преследование не может иметь места:

а) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше пяти лет или определено в законе лишение свободы на срок не ниже одного года, прошло десять лет;

б) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше одного года, но не свыше пяти лет, или определено в законе лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, прошло пять лет;

в) по всем остальным преступлениям, когда со времени совершения преступления прошло три года» [7].

Согласно приведенной статье сроки давности применялись лишь в том случае, если не осуществлялось производство или следствие по делу. Данная статья предусматривала применение сроков давности по усмотрению суда, пусть и в узком кругу затрагиваемых правоотношений – контрреволюционных преступлений.

Следующим нормативным правовым актом, в котором нашли отражение сроки давности, являлся Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [7]. Его положения значительно отличаются от положений предшественника, приближаясь к современному варианту. В данном акте законодатель уже не рассматривает обязательным началом течения сроков давности то условие, что сроки давности начинают течь, если преступление не выявлено. Ссылка на контрреволюционные преступления заменена преступлениями, за которые предусматривается смертная казнь, ввиду изменения общественных приоритетов и социальных позиций, оставляя свободу применения сроков давности за судом. Следует отметить, что этот кодекс был очень близок к существующему пониманию сроков давности в действующем законодательстве Республики Беларусь.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1) сроки давности привлечения к уголовной ответственности не являются чем-то изначально характерным для уголовного законодательства. Древнейшие и средневековые правовые источники практически не содержат упоминания о таком правовом явлении;

2) регламентация сроков давности в действующем белорусском законодательстве не адекватна срокам лишения свободы по тем либо иным категориям преступлений: сроки давности нередко значительно меньше соответствующих сроков лишения свободы, что, на наш взгляд, существенно влияет на реализацию принципов справедливости и неотвратимости уголовной ответственности;

3) применение сроков давности не позволяет в полной мере реализовать ни одну из задач уголовной ответственности; они не способствуют исправлению виновного лица, частному и общему предупреждению, а также восстановлению социальной справедливости.

Существующее в уголовном законодательстве понятие «справедливость» неоднозначно и не позволяет в силу этого в полной мере защищать права и законные интересы лица, пострадавшего от совершенного преступления.

1. Лукашов, А.И. Уголовный кодекс Республики Беларусь: сравнительно-правовой комментарий / А.И. Лукашов, Э.А. Саркисова. Минск : Тесей, 2000. 672 с.

2. Краткий философский словарь / А.П. Алексеев [и др.] ; отв. ред. А.П. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект : Велби, 2008. 491с.

3. Памятники римского права. Законы 12 таблиц. Институции Гая, Дигесты Юстиниана. М. : Наука, 1984. 246 с.

4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / Сост. В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 1999. 480 с.

5. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / сост. В.А. Томсинов. М. : Зерцало-М, 2003. 381 с.

6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на бел. мову А.С. Шагун. Мінск : Беларусь, 2005. 207 с.

7. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (1917–1991 гг.) / сост. В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 1997. 592 с.

Дата поступления в редакцию: 23.12.13

A.M. Bystrikov, student of the 1st rate of the magistracy of the International University 'MITSO'

STATUTORY LIMITATIONS WHETHER PURSUANT TO AN EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY: GENESIS, ESSENCE AND CONTENT

In this article questions of release from criminal liability in connection with the termination of prescriptive limits are considered, and genesis of the phenomenon is consecrated as criminal legal institution. The essence and content of the specified institute of the penal legislation reveals.

Keywords: prescriptive limits, bases of release from criminal liability, prescriptive limits as basis of release from criminal liability, genesis, essence and content.

УДК 343.2

А.Л. Савенок, кандидат юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ ПРИ ПРОБЕЛАХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Рассматриваются актуальные вопросы правоприменения при пробелах в уголовном законе. Предлагается выделить два вида пробелов: обычный (законодательный) и «технический» (конструктивный). Первый вид пробела может быть устранен только путем принятия законодателем соответствующей статьи уголовного закона в процессе уголовно-правового законотворчества. Второй вид пробелов преодолевается правоприменением, путем нормативного толкования, в том числе на основе аналогии в процессе рассмотрения дела судом, т. е. судебным усмотрением. В целом этот процесс можно назвать «мягкой криминализацией» (декриминализацией). В буквальном смысле слова аналогия в уголовном законе применима только ко второй группе пробелов.